

ЛЕТНИЕ ГАСТРОЛИ

САМЫЕ ЧУТКИЕ СТРУНЫ

Корреспондент «Красноярского рабочего» встретился с актером Ленинградского государственного театра имени В. Ф. Комиссаржевской заслуженным артистом РСФСР С. Н. Ландграфом, которого красноярцы увидят во многих спектаклях гастрольного репертуара. Сегодня мы публикуем беседу с ним.

— Гастроли — это всегда школа для театра, — сказал Станислав Николаевич. — Иная публика, иная критика, непредвзятое восприятие, и театр имеет возможность взглянуть на себя как бы со стороны, свежим взглядом, что-то переоценить.

— «Царя Бориса» я видел не единожды. Каждый раз в исполнении проявлялись иные, новые штрихи. Вы осознанно стремитесь к импровизации или она произвольна?

— Осознанно. Играть два спектакля одинаково, по-моему, невероятно скучно. Конечно, надо разделять импровизацию и отсебятину — желания все поставить с ног на голову. Естественно, с другим партнером самочувствие иное: с Федором — Владимиром Особиком мой Борис напряженнее, жестче, с Федором — Владимиром Летенковым — раскрепощеннее.

— В программе спектакля «Смерть Иоанна Грозного» есть строчка: «Текст «скоморошин» С. Н. Ландграфа». Это не единственный ваш литературный опыт?

— Я писал слова песен к спектаклям нашего театра «Тогда в Севилье», «Золушка», «Обвинительное заключение» и другим. Вместе с ныне известным поэтом-песенником Ильей Резником, в прошлом артистом нашего театра, писал тексты пародий для, пожалуй, лучшего нашего эстрадного пародиста Виктора Чистякова, ушедшего из жизни совсем молодым.

— Жаль, что мы не открыли вас еще в одном качестве — режиссера, ведь театр не привез к нам на гастроли спектакль «Несколько дней без войны», где вы дебютировали

как постановщик и одновременно сыграли главную роль.

— А вы знаете, легче было играть царя Бориса, чем Лопатина! Кто его только ни играл, даже Никулин в кино. Главным была для меня в Лопатине одержимость делом, которому он служит. Если человек сам через что-то прошел, то не будет об этом кричать. — В данном случае о войне. Таков Лопатин, очень сдержанный человек. Мне хотелось, чтобы «Несколько дней без войны» стал добрым спектаклем.

— Хотели бы еще ставить?

— Не греет меня режиссура, не мое это дело. Не могу отстраненно оценивать артистов, с которыми вместе работаю, критически взирать на своих партнеров. И преподавать — тоже не мое. Наш главный режиссер Рубен Сергеевич Агамирзян набирал курс в театральном институте и пригласил меня вести актерское мастерство. Три месяца вел, больше не стал. Делу, которое ты делаешь, нужно отдавать себя целиком, без остатка, фанатически. А отдавать себя целиком двум делам? Я думаю, одно будет в ущерб другому, хотя сейчас в моде стремление актеров к режиссуре. Но мое дело — играть.

— И кино — тоже!

— Главное, конечно, театр, я в нем уже двадцать лет, это мой единственный театр в жизни, театр Комиссаржевской, и вообще не люблю, когда актеры меняют театры. Так и себя недолго потерять.

А что касается кино, то я снялся в нескольких фильмах («Комитет 19-ти», «Убит при исполнении», «Право первой подписи», «Смятение», «Личная жизнь»), но романа с ки-

нематографом у меня пока тоже не получилось, были отдельные новеллы. То, что предлагали сыграть, мне не хотелось, а то, что хотелось, не предлагали. Актерская профессия субъективна. А в кино ведь как? Чем чаще отказываешь, тем реже предлагают. Так что я не очень страдаю от того, что снимаюсь мало. Да и в театре, к счастью, занят много, так что и «страдать по кино» просто некогда. Хотя не скрою, если у меня бы появилась возможность попробовать сняться в «Ричарде III», я бы, наверное, пошел на все.

— Пушкин сказал: «Смех, жалость и ужас — суть три струны нашего воображения, потрясаемые драматическим волшебством». На какую из них вы нажимаете с большим удовольствием?

— Я бы и в гневе, и в жалости искал смех. Кто-то называл его витамином жизни, по-моему, очень точно. Умор — одно из самых привлекательных человеческих качеств.

Порой самое смешное — это самое несмешное. Разве может быть смешным человеческое несчастье? А вот в «Женитьбе» Гоголя может. Чем смешон Подколесин, которого я играю? Он не может больше так жить, ему нужно жениться. И с той же активностью, с какой он этого добивается, он от женитьбы отказывается, когда цель близка. В этом его человеческая ничтожность. И поэтому он смешон и жалок... Наверное, нельзя играть на одной струне, не задевая других.

— Что вы цените в других актерах? Когда вам радостно глядеть на сцену и когда — грустно!

— Помню, как Николай Константинович Черкасов играл на сцене театра имени Пушкина Хлудова в булгаковском «Беге». Он сидел в глубине сцены и молча читал газету. Рядом шло действие, люди произносили какие-то слова, двигались, а он сидел и молча читал газету, и от него нельзя было оторвать глаз, хотя он вроде

бы ничего не делал. Он читал ее минут сорок, и все взоры загнипнотизированно застыли на нем. А потом он ушел, и уже можно было замечать других актеров.

В актере я ценю это магическое — индивидуальность.

Мне грустно, если я вижу, что в сцене, где нет слов, артисты отдыхают — не живут жизнью героя. Если ты безучастен хоть на мгновение, то это уже ремесленничество.

Очень ценю партнерскую верность, умение подхватывать сразу, без подготовки, импровизацию партнера. Очень ценю актеров, творческие, гражданские и человеческие позиции которых совпадают с моими (но это уже дело опять субъективное). Не могу не сказать о том, что я актер, которому крайне необходим режиссер. Но между актером и режиссером тоже необходимо творческое, гражданское и человеческое единение.

Смею надеяться, что это единение, без которого невозможен высокий творческий результат, на данном этапе моей жизни существует между Р. С. Агамирзяном и мною.

На снимке: сцена из спектакля «Святая святых»; Груя — С. Ландграф, Кэлин — Б. Соколов.

